

АЛЛЮЗИВНЫЙ ХАРАКТЕР ОНОМАСТИЧЕСКИХ ТРОПОВ

Аллюзию принято рассматривать как художественный прием, заключающийся в соотношении содержания текста с прецедентным фактом. Она представляет собой «сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение» [1, с. 84]. Содержащие аллюзию высказывания помимо буквального смысла имеют второй план, заставляющий слушателя обратиться к тем или иным воспоминаниям, ощущениям, ассоциациям.

Специфика прецедентных имен собственных сказывается на специфике их тропической реализации. Имя собственное, как известно, является одним из способов отсылки к другим текстам или ситуациям, более того, любое имя собственное, не относящееся непосредственно к тематике данного текста, расширяет его содержание благодаря напоминанию о сходных событиях, сюжетах, персоналиях. Таким образом, всякий ономастический троп аллюзивен по определению – это подразумевает семантика прецедентных онимов. Например, аллюзивна любая ономастическая метафора: *Президента Саакашвили уже называют новым Геббельсом* (АиФ, 10 авг., 2008); *Hitler was a Frankenstein, but there was also a Dr. Frankenstein* ‘Гитлер был Франкенштейном, но был также и доктор Франкенштейн’ (NYT, July 26, 2010); *Nie chciałbym się któregoś dnia obudzić się w państwie, w którym Jarosław Kaczyński obwołuje się następnym Pilsudskim, a jedno z więzień staje się Berezą Kartuską* ‘Не хотелось бы однажды проснуться в стране, в которой Ярослав Качинский провозглашается следующим Пилсудским, а одна из тюрем становится Березой-Картузской’ (RP, 10 kwiecień 2009) [Бой за Березу-Картузскую – первое боевое столкновение советско-польской войны 1919–1920 гг. – Т. Л.].

Аллюзия на художественный текст может быть также сопряжена с метафорой и темпоральной метонимией, что усиливает экспрессивный характер высказывания: *We have been taught since the days of Camelot to admire a particular sort of politician: the epic, charismatic Mount Rushmore candidate who leads transformational change* ‘Нас учили со

времен Камелота [метафорическое обозначение периода пребывания у власти президента Дж. Ф. Кеннеди. – *Т. Л.*] восхищаться особым видом политического деятеля: эпический, харизматический кандидат Горы Рашмор, который руководит трансформациями’ (NYT, Aug. 27, 2009).

Аллюзия на художественное произведение также может строиться на ассоциативной связи с каким-либо литературным текстом, кино, спектаклем, телепередачей, произведением живописи и т. д. При этом данное произведение может быть представлено как названием, так и именем одного из персонажей. Может наблюдаться и синкретизм этих видов имен собственных – в тех случаях, когда произведение названо по имени главного персонажа. Например, в заголовке статьи «*Чей поцелуй разбудил красавицу?*» содержится намек на поэтоним «Спящая красавица» (скрытая аллюзия), а далее автор проводит параллель с еще одним сказочным произведением: «*Я никогда не признаю легитимность победы Януковича*» – *пригрозила, по слухам, Тимошенко... «Газовая принцесса» наконец-то выспалась (чей поцелуй разбудил красавицу?) и вновь готова к бою... Но Тимошенко напоминает сейчас не столько спящую красавицу, сколько стареющую принцессу на горошине, не способную смириться с неприглядной реальностью* (АиФ, 9 февр. 2010). Интересно, что намеком на литературное произведение эта же политическая ситуация описывается в польскоязычной прессе в статье «*Julia walczy z wiatrakami*» ‘Юлия воюет с ветряными мельницами’ (W, 17 lut. 2010) – в данном примере автор отсылает нас к роману Сервантеса «Дон Кихот», намекая, что действия Ю. Тимошенко – это бессмысленная затея и что враги – это всего лишь ветряные мельницы.

Однако в составе аллюзии топоним часто используется в метонимическом значении. Ср.: *The euro is slumping and the dollar is once again, for a moment, a “safe haven”. Is it?... U. S. government debt is a safe haven the way Pearl Harbor was a safe haven in 1941* ‘Евро падает, а доллар снова, на время, в зоне безопасности. Так ли это?’... Долг американского правительства тоже в зоне безопасности, так же как и Перл Харбор был надежным пристанищем в 1941’ (NYT, March 1, 2010); *“Dziękujemy wam za Grunwald!” – Za Grunwald dziękują? To może i za Termopile?* ‘Благодарим вас за Грюнвальд!» – За Грюнвальд благода-

ряд? Может, тогда и за Фермопилы?» (GW, 19 lip. 2010). [*Bitwa pod Termopilami* (Фермопильское сражение) – сражение в 480 до н. э. – известный эпизод второй персидской войны, где героически погиб отряд из 300 спартанских гоплитов, преграждая путь персидскому войску царя Ксеркса I. – Т. Л.].

В следующем примере ономастическое сравнение сопряжено с аллюзией, где автор оценивает политического лидера путем сравнения и намек на поэтоним либо мифоним. Ср.: *Tusk jest postrzegany jako król Donald Serce (amorek, słońce), miłościwie panujący, zmagający się z modernizacją Polski jak Syzyf, ale z nadzieją wygranej (Dawid), którą może uzyskać dzięki swojemu sprytowi (Asteriks)* ‘Туск рассматривается как король Дональд Сердце (амур, солнце), любезно правящий, борясь с модернизацией Польши, как Сизиф, но с надеждой на победу (Давид), которую может получить благодаря своему уму (Астерикс)’ (W, 22/2008). Ср. также пример скрытой аллюзии, когда имя персонажа становится базой окказиональной деривации: *От Хиддинка фанаты ждут чуда. Ведь к ним прилетел тот самый везучий голландец, Гус Всемогущий* (КП, 21 февр. 2009) – прозвище тренера отсылает к известному голливудскому фильму «Брюс Всемогущий» и прозвищу его главного персонажа.

Вертикальный контекст в печати нередко строится из компонентов т. н. массовой культуры. Это вполне естественно для данной сферы общения: пресса ориентирована на массового адресата. Последнее, несомненно, сказывается на «качестве» аллюзий: ведь для того, чтобы разгадать «аллюзийный ребус», нужно хотя бы приблизительно знать его источник. Ср.: *Второе пришествие Короля Обезьян. В Москву с концертом приезжает экс-фронтмен группы The Stone Roses Ян Браун* (АиФ, 15 февр. 2010); *The plot of the new movie echoes both “The Da Vinci Code” and the Nicolas Cage “National Treasure” movies. The wisecracking relationship between Holmes and Watson may now remind viewers of Butch Cassidy and Sundance* ‘Сюжет нового фильма переключается с фильмами «Код Да Винчи» и «Сокровища нации» Николаса Кейджа. Саркастические взаимоотношения Холмса и Ватсона могут сейчас напоминать зрителям о Бутче Кэсиди и Сандансе’ (NYT, Jan. 5, 2010).

Как видим, в каком бы значении, в какой бы конструкции прецедентное имя ни было включено в данный текст, оно неизбежно будет отсылать либо к другому тексту, либо к прецедентной ситуации, расширяя содержание исходного текста. Таким образом, ономастические тропы, в состав которых входит прецедентное имя собственное, неизбежно имеют аллюзивный характер.

1. *Белокурова, С. П.* Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб., 2005.